

Исследовательская статья

УДК 008 304.5 001.38

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-80-97>

Социокультурный контекст в понимании документов экономической политики: опыт осмысления советской Комплексной программы научно-технического прогресса

Владимир Иванович Коннов¹, Алина Валерьевна Филиппова²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ v.konnov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7292-8850>

² filippova.a.v@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4713-1484>

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы к реконструкции социокультурного контекста, применимые при исследовании документов экономической политики, и предлагается вариант их сочетания. В качестве примера использования такой комплексной методологии анализируется контекст создания советской Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП). Цель исследования — сформировать методологию, которая позволяла бы с высокой степенью достоверности

характеризовать документы экономической политики с точки зрения причин их появления и реальной инструментальной роли, а затем апробировать данную методологию применительно к случаю КП НТП. Задачи статьи включают определение методологических основ ряда подходов, используемых в социокультурном анализе исторических документов — кембриджской школы интеллектуальной истории, неограмшианской теории, экономической антропологии; сопоставительный анализ этих основ для определения возможности их взаимного дополнения; анализ случая КП НТП с позиций сформированного комплексного подхода, позволяющий понять причины появления программы и её цели. Исследование задействует как теоретический материал — ключевые тексты, представляющие рассматриваемые концепции, — так и исторический и историографический, соответственно позволяющий сформировать представление о КП НТП. Сформированный и применённый таким образом метод основан на дополнении линии интеллектуальной истории, которая ориентирована на воспроизведение представлений автора, направляющих его «речевые акты», неограмшианской реконструкцией конфигурации групповых интересов, характеризующих определённую историческую ситуацию. Для того, чтобы ввести объединяющие эти подходы звено, статья обращается к экономической антропологии К. Поланьи. Результатом исследования становится формирование комплексного подхода, позволяющего рассматривать экономические идеи как органическую часть более широкого

социокультурного контекста. Применение данного подхода к анализу КП НТП приводит к новой интерпретации её роли в развитии социально-экономических представлений советского периода. Выводы методологической части статьи заключаются в возможности совмещать дискурсивные методы анализа текстов с экономико-ориентированными подходами. Главный же вывод анализа случая КП НТП заключается в том, что детальное рассмотрение социально-экономического контекста её появления подводит к пониманию программы в качестве органичной части развития мировой экономической мысли послевоенной эпохи.

Ключевые слова: Комплексная программ научно-технического прогресса; кембриджская школа; экономическая антропология; глобальная интеллектуальная история; советская экономическая наука

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00916.

Для цитирования: Коннов В. И., Филиппова А. В. Социокультурный контекст в понимании документов экономической политики: опыт осмысления советской Комплексной программы научно-технического прогресса // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 80–97. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-80-97>

Research article

Sociocultural Context in Understanding Documents of Economic Policy: Comprehending the Soviet Complex Program of Science and Technology Progress

Vladimir I. Konnov¹, Alina V. Filippova²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ v.konnov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7292-8850>

² filippova.a.v@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4713-1484>

Abstract. The article explores the methodological approaches to reconstructing the sociocultural context applicable in the study of economic policy documents and proposes an integrated framework that synthesizes several intellectual traditions. As an empirical case, the paper examines the historical and conceptual context in which the Soviet Complex Program for Scientific and Technological Progress (CPSTP) was formulated and adopted. The article demonstrates how this particular program can serve as a rich example for testing a methodology that connects discourse analysis, economic theory, and cultural inquiry. The purpose of the study is twofold: first, to develop a methodology that would allow for a highly reliable characterization of economic policy documents in terms of the motives and reasons for their creation and their actual instrumental function; and second, to apply and test this model through a detailed analysis of the CPSTP. The research seeks to determine how theoretical and structural elements interact in the process of policy formation, allowing a deeper understanding of such documents not only as technical artifacts but as products of specific intellectual and cultural environments. The article's objectives are twofold: first, to define the methodological foundations of several approaches used in the sociocultural analysis of historical documents and to conduct a comparative analysis of these approaches; and second, to apply the resulting integrated framework to the case of the CPSTP. The methodological framework of the article brings together three major streams of thought. The Cambridge school of intellectual history contributes an interpretive model grounded

in the reconstruction of the author's intentions and of historically situated "speech acts," which reveal the meaning embedded in policy discourse. Neo-Gramscian theory introduces the dimension of social forces and hegemonic structures by focusing on the configuration of group interests and institutional power shaping the discourse. These two perspectives are integrated through Karl Polanyi's economic anthropology, which provides a conceptual bridge by emphasizing the embeddedness of economic representations in social and cultural relations. The combination of these approaches makes it possible to situate economic ideas within dynamic sociocultural constellations rather than treating them as detached theoretical constructs. The study draws on both theoretical and empirical materials. It examines key texts representing the chosen methodologies alongside historical and historiographical sources that shed light on the CPSTP's development and reception. Through this synthesis, the article argues that the Program reflected key intellectual trends of the postwar period, including the broader question of the optimal scope of economic planning and the dilemma of containing technological progress within or excluding it from economic policy. The results of the research include the formulation of a comprehensive approach that enables economic policy documents to be understood as integral parts of a society's symbolic and institutional order. The analysis of the CPSTP within this framework leads to a re-evaluation of its historical significance: the main conclusion is that rather than a purely technocratic enterprise, it appears as an expression of the intellectual and ideological transformations that defined the global evolution of economic thought in the postwar era.

Keywords: Complex Program of Science and Technology Progress, Cambridge school, economic anthropology, global intellectual history, Soviet economic science

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, within the framework of project № 25-18-00916.

For citation: Konnov, V. I., Filippova, A. V. (2025) 'Sociocultural Context in Understanding Documents of Economic Policy: Comprehending the Soviet Complex Program of Science and Technology Progress', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 80–97. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-80-97>

Введение

Особенность истории экономической науки заключается в том, что в ней исследователь никогда не имеет дело только лишь с наукой. Конечно, по большому счёту, то же самое можно сказать про историю любой научной дисциплины: современные историки науки обнаруживают политические мотивы в любых — самых казалось бы эзотеричных — научных текстах. Однако поиски политики например в физике (именно «в», а не «вокруг») требуют незаурядного воображения, — подобные изыскания удачно спародировал ещё в конце 1990-х гг. физик Алан Сокал в своём знаменитом розыгрыше [Sokal, 2000]. В экономике же политическое звучание практически любого текста — если оно не очевидно сразу, — легко обнаруживается по сопутствующим

данным: по профессиональной биографии автора, по изданию, в котором текст появился, по связям, демонстрируемым библиографией и цитированиями. В этом смысле политические приоритеты научных публикаций могут быть даже более явными, чем в случае с документами экономической политики, в которых как правило не указываются непосредственные авторы и принято затушевывать связи с политическими интересами и научными школами. Характерно, что обнаружение последних нередко говорит о политических приоритетах документа больше, чем имена и аффилиации официальных инициаторов этих программ, представляющих законодательную или исполнительную власть. В большинстве случаев последние указывают лишь на открытые политические позиции, продвигаемые в компромиссном, приемлемом для широкой аудитории виде. Имена же учёных-экономистов чаще го-

ворят о партикуляристских приоритетах: их институциональные связи, научные журналы, в которых они публикуются, источники финансирования, выступления в прессе — всё это даёт политический профиль, который зачастую оказывается очерченным резче, чем у многих профессиональных политиков.

С учётом этого подход к экономической науке, отделяющий содержание научных трудов от контекста их создания, оказывается явно неполным. Если в естественных науках можно говорить о значении, по крайней мере, некоторых текстов только на основе того, что в них вскрываются закономерности, к которым применим простой критерий «это работает» (что, собственно, и даёт возможность использовать их в технической практике), то в экономике, где нет ни одного решения, которое бы просто «работало», отстранение от политического контекста, в котором появилась та или иная концепция, в большинстве случаев исключает саму возможность её адекватного понимания.

При этом сама по себе реконструкция политического портрета авторов оказывается здесь, опять же, недостаточной. Если рассматривать политику как процесс распределения ограниченных ресурсов между различными интересами, то перед исследователем сразу же возникает проблема восстановления конфигурации этих интересов. На первый взгляд, привлекательным выглядит марксистское решение, очерчивающее главные интересы в зависимости от отношения к средствам производства, иначе говоря, к благам, способным производить другие блага. Но, как показала традиция понимающей гуманитарной науки, идущая от Макса Вебера, вопрос о том, что именно воспринимается в качестве блага, может сильно варьироваться в зависимости от культурных норм; и перенос «объективного» представления исследователя об абстрактных «измеримых» благах на другие культуры и другие эпохи может создавать искажённые картины исследуемых обществ.

Такого рода критика марксистских интерпретаций, конечно же, не свела их на нет, а столкновение «материалистической»

и «понимающей» позиций послужило предпосылкой возникновения конструктивистской линии гуманитарной науки, ставшей основой научного «постмодернизма». Этой линии также не удалось избежать эксцессов, которые с едкостью высвечивают критики постмодернизма, — например такие, как упоминавшийся уже Сокал, а также Роджер Скрутон [Скрутон, 2021], Стивен Хикс [Хикс, 2021] и многие другие. Стоит заметить, что их критика направлена главным образом против французских авторов, — таких, как Мишель Фуко и Жак Деррида, которых сделало всемирно популярными признание достоинств их работ в американских университетах. Но на фоне того, как увлечение «французской теорией» (именно так это направление часто называют в США) пошло на убыль, большее внимание стали привлекать труды англоязычных авторов, работавших в период подъёма постмодернизма. Эти труды во многом созвучны идеям французов о социальном конструировании, но принципиально отличаются от них по стилю мышления. В качестве примера приведём кембриджскую школу интеллектуальной истории, неограмшианство, влившееся в предшествующую традицию британского марксизма, и экономическую антропологию, ответившую на британской культурной антропологии. По нашему мнению, в настоящее время именно эти направления обеспечивают наиболее перспективный инструментарий, с которым ассоциируется дальнейшее развитие истории экономической науки в её неразрывной связи с экономической политикой.

Методы и материалы

Особым случаем интеллектуальной истории выступает отечественная экономическая наука советского периода. Образовавшийся здесь сплав политики и науки доходит до состояния почти полной неразличимости составляющих. Согласно официальной советской доктрине, экономика не могла претендовать на нейтральную объективность — рассматриваемая как часть «надстройки», она полагалась заведомо политизированной,

выражающей интересы определённого класса. Можно заметить, что в принципе эта позиция была, в общем-то, честнее, чем позитивистские претензии на независимость и нейтральность; однако одновременно с этим утверждалось, что, в отличие от политики капиталистических стран, направленной на удовлетворение интересов капитала как правящего класса, советская политика выражает интересы класса трудящихся, составляющего большинство, и вследствие этого становится в своих решениях объективной. В отличие от правящего меньшинства, стремящегося подменить общие интересы своими собственными, представители большинства в таких манипуляциях не нуждаются и заинтересованы лишь в том, чтобы продвигать максимально достоверную научную картину мира.

Соответственно, возникала ситуация, когда политические решения позиционировались не как компромиссы, а как результат объективного анализа, то есть как единственно верные. Открытые конфликты в сфере политики становились недопустимыми, за закрытыми же дверями эти конфликты часто разворачивались под видом научных дискуссий, как будто преследующих цель прийти к объективно верному решению. Среди научных специалистов наиболее востребованными в этих дискуссиях были именно экономисты, для которых научное обоснование политических решений, подразумевающих распределение ограниченных ресурсов, было основным предметом по самой природе их науки. При этом поле политического применения экономических знаний в плановом хозяйстве в послевоенные десятилетия расширялось, что отличало её от рыночной экономики, где, как например в США, участие государства в управлении экономикой по сравнению с военным периодом сужалось.

Возможно, предельной точкой расширения охвата планирования было создание Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий. Этот документ, первая редакция которого была подготовлена в 1972 г., был основан на сценарном, то есть предполагающем возможность

вмешательства в описываемые процессы, прогнозировании развития технологий на 20 лет вперёд с учётом влияния этого фактора на всю советскую экономику [Варшавский, Яркин, 2018]. По сути дела, речь шла о попытке распространить планирование на наименее предсказуемый научно-технический фактор. Этот замысел не был настолько утопичным, как может показаться на первый взгляд, и методологию прогноза можно охарактеризовать как довольно умеренную в своих амбициях: акцент делался на замещении устаревающих технологий уже работающими новыми, и лишь во вторую очередь рассматривалось влияние новых научно-технических прорывов. Однако колоссальная трудоёмкость прогноза при очевидной (в первую очередь, для самих авторов) низкой надёжности исходных данных и явно ограниченных возможностях реализации программы указывали на то, что цели её запуска не исчерпывались декларируемым усилением интенсивного развития в советской экономике. И для уяснения того, зачем всё-таки понадобилось задействовать лучшие кадры и другие ресурсы для создания этого монументального документа, явно требуется понимание конфигурации групповых интересов.

В настоящей статье предполагается сосредоточить внимание на теоретико-методологических основах исследования случая КП НТП: как нам представляется, сочетание различных подходов, которое позволяет сформировать адекватную карту групповых интересов для определённой культуры в определённую эпоху, само по себе оказывается значимой исследовательской задачей. И современная гуманитарная наука даёт большое разнообразие образцов, по которым можно выстраивать подобные реконструкции. При этом среди них встречаются те, которые выглядят одновременно и взаимоисключающими, и взаимодополняющими — в пределах настоящей статьи такую «дополнительность» обнаруживают неограмшианская история идей и кембриджская школа интеллектуальной истории. Противоречие здесь очевидно: неограмшианская история, как известно, представляет собой

версию марксистского взгляда на общественное развитие, пусть во многом и отличающуюся от изначального исторического материализма, а центральный представитель кембриджской школы Квентин Скиннер выстраивал свой метод во многом как антитезу «материалистической» истории идей. Однако одновременно кажется лежащим на поверхности, что подход Скиннера, сосредоточенный на реконструкции понимания окружающего мира автором того или иного текста, направляющего его «речевые акты», может быть эффективно дополнен исследованием групповых интересов, задающих социальный контекст его творчества.

Учитывая, что речь идёт об истории экономической науки, концепцией, которая может указать на серединную линию, позволяющую объединить два взгляда, выступает экономическая антропология в версии, предложенной Карлом Поланьи. Его ключевое положение об «укоренённости» экономики в культуре способно, как нам представляется, прочертить решение обозначенной выше дилеммы «материалистической» и «дискурсивной» истории идей. К тому же Поланьи даёт пример исследования, в котором в объяснении экономических решений сочетаются влияния национального и международного контекстов — подход, перекликающийся по ряду моментов с тем, как характеризует это сочетание Грамши. И это сочетание оказывается одним из аспектов, которые стали основными для современного направления «глобальной интеллектуальной истории». Именно в такой версии неограмшианский подход находит активное применение в исследовании международных политических экономических сюжетов [Дифференциация государств..., 2022; Антюхова, Талагаева, 2023], но, нужно отметить, что мы считаем особенно важным выделить момент сочетания международного и национального именно в истории экономической науки позднесоветского периода, которая вопреки тому, как её иногда изображают, не была замкнутой в себе, а представляла собой дисциплину, вполне восприимчивую к влиянию мировой экономической науки.

Таким образом, в статье предлагается своего рода опыт методологии интеллектуальной истории: вначале мы попытаемся рассмотреть генезис обсуждаемых концепций — с тем, чтобы обнаружить точки их пересечения, указывающие на возможность их комбинирования или же, напротив, на их несовместимость; а затем в качестве примера применения выстроенного нами комбинированного теоретико-методологического подхода обратимся к истории Комплексной программы научно-технического прогресса.

Методология глобальной интеллектуальной истории

Пришедшийся на 1970-е гг. взлёт популярности «Тюремных тетрадей» Грамши в англоязычном мире может быть объяснён как составная часть реакции на студенческие выступления 1968 г. Впервые опубликованные ещё в 1947 г., в этот период «Тетради» стали быстро набирать популярность как альтернатива даже не столько советскому марксизму-ленинизму, сколько критической теории, наиболее распространённой в версии Герберта Маркузе. Фрейд-марксизм последнего полагал пружиной революции не разрастание нищеты, а индивидуальную психологическую подавленность; при этом Маркузе сохранял понимание революционной борьбы как разворачивающейся в поле *материального*, в смысле буквального захвата институтов власти. Принципиальное же отличие Грамши заключалось в пессимизме по поводу такого рода революций. Лично переживший поражение коммунистического движения в Италии и наблюдавший схожие поражения в других европейских странах, в «Тюремных тетрадях» он приходит к выводу о явной недостаточности силового захвата власти для преобразования общества. По его мнению, для успеха необходимо установить господство в интеллектуальной сфере, меняя то, что считается «здравым смыслом», задающим направление действиям людей, часто за пределами осознанного. Для успешной революции недостаточно диктатуры в области материального, нужна ещё и гегемония в идеальном.

Эта позиция, воспринятая в западном вузовском сообществе, работала на перенаправление усилий преподавателей и студентов, мыслящих себя преобразователями общества, с пропаганды и агитации, побуждающих к реальным выступлениям, на установление гегемонии идей, которые бы отражали интересы угнетённых классов. Таким образом, интеллектуалы могли оставаться в пределах своего профессионального поля, помимо гуманитарной науки включающего также СМИ, все виды искусства, психотерапию и т.д., но при этом считать себя выполняющей важную революционную работу «органической интеллигенцией» [Антюхова, Крынжина, 2025]. И, помимо понимания собственной роли, «Тюремные тетради» давали этой интеллигенции ещё и путь к организации гегемонии. Главное место принадлежит здесь трёхступенчатой модели — от идей, выражающих интересы обладателей прорывных для своего времени производственных технологий, объединённых в определённую отрасль, к формированию вокруг этой отрасли класса и, наконец, к кооптации других классов в гегемонию [Грамши, 1959: 168–169]. Это создавало основу для неограмшианской истории идей, отличной от собственно марксистской [Morton, 2007; Salamini, 2014].

По понятным причинам главную роль в этой модели играли групповые интересы — отдельная идея или отдельный автор рассматривались в первую очередь как выразитель или как отражение интересов объединённых по экономическому принципу коллективов. И именно против этого взгляда была направлена позиция кембриджского историка Квентина Скиннера. По его мнению, нельзя смешивать контекст распространения текста, где экономические интересы действительно могут играть главную роль, и контекст создания, который слишком индивидуален и идиосинкрален, чтобы в него можно было напрямую спроецировать интересы крупных общественных групп. Более того, Скиннер находил несостоятельной марксистскую «герменевтику подозрительности», которая предполагала заведомое недоверие к декларируемой позиции автора вплоть

до отрицания его способности знать собственные мотивы. Задача исследователя — не выискивать то, что якобы осознанно или неосознанно пытаются скрыть, а, наоборот, обнаруживать, что автор не посчитал нужным объяснять, поскольку ему это казалось самоочевидным. Любое высказывание Скиннер считал нужным рассматривать как заявление, сделанное в рамках определённого дискурса — круга высказанных идей, находящихся в центре внимания интеллектуалов в данный момент. Писатели, которые в дальнейшем становятся олицетворением своих эпох, адресуют свои заявления не потомкам, а сообществу своих современников, значительная часть которого выпадает за пределы внимания следующих поколений; соответственно восстановить этот контекст — важный шаг в понимании того, что собственно хотел сказать тот или иной автор. Причём это намерение может кардинально отличаться от того, какой смысл в его слова вкладывают те, кто в дальнейшем поднимает его тексты «на щит» с целью продвижения групповых интересов [Скиннер, 2018].

Таким образом, по Скиннеру, реконструкция схемы главных экономических интересов эпохи, оказывается мало полезной с точки зрения понимания автора. И, естественно, он не принимал расхожую марксистскую методологию, в крайней версии которой любой исследуемый автор рассматривается как голос, которым говорит его класс, а анализ текстов сосредотачивается на поиске отражений некоторой групповой позиции в социально-экономической системе, в то время как все другие аспекты интерпретируются как подчинённые. Наперекор этому взгляду Скиннер подчёркивал самостоятельное значение речи и речевых актов. Это, однако, не означало, что он пренебрегал социальным контекстом высказываний, — напротив, его анализ акцентирует связь речевых актов с политикой, но для него эта связь вполне способна работать в две стороны: речь не только отражает политические конфликты, но способна сама создавать значимые для авторов конфигурации интересов и позиции.

Как пояснение к Скиннеру может прочитываться «символическая антропология» Клиффорда Гирца, особенно учитывая, что Скиннер прямо говорит о влиянии на него книги «Интерпретация культур», а самого Гирца называет своим ментором и в целом отмечает особое значение антропологии 1960–1970-х гг. для гуманитарной науки¹. В вошедшей в «Интерпретацию культур» статье «Идеология как культурная система» Гирц пишет о двух подходах к объяснению идеологии — «теории интересов» и «теории напряжений». Первая — социологична и предполагает акцент на внешние доступные наблюдению стимулы к формированию и продвижению тех или иных «идей», вторая — психологична и сосредоточена на внутренней, индивидуальной и субъективной картине мира. «Поскольку этими вещами, — пишет Гирц, — можно заниматься одновременно — и даже одно может служить средством другому, — постольку обязательного противоречия между теориями нет; но теория напряжений (возникшая в ответ на эмпирические трудности, с которыми столкнулась теория интересов) содержит меньше упрощений, более аналитична, менее конкретна, более универсальна» [Гирц, 2004: 233]. Легко заметить, что последний набор характеристик вполне соответствует подходу Скиннера. Более того, потребность в разрешении напряжения, в создании определённости, которое даёт идеология, может возникать не только в ответ на реальные «социальные сдвиги», но и на «идейное замешательство» [Гирц, 2004: 249]. При этом Гирц подчёркивает, что «идеологические реакции на нарушения будут тяготеть к единообразию, которое дополнительно усилено предполагаемой “базовой структурой личности” у представителей конкретной культуры, класса или профессиональной категории» [Гирц, 2004: 236] — наблюдение, прямо перекликающееся с представлением о подчинённости речевых актов конвенциям языка, которое Скиннер обнаруживает у изучаемых им

профессионалов политического дискурса. И, стоит также отметить, предмет своих исследований Скиннер обозначал и как «дискурс», и как «идеология».

Уместным будет отметить, что акцент на корпоративных и индивидуальных интересах в формировании идеологии было как раз тем моментом, за который подвергался критике Грамши: товарищи по партии указывали ему на чрезмерные уступки идеалистическим мыслителям, которые фактически уводили его из поля исторического материализма. Как писал итальянский коммунист Онорато Дамен, «в работах Грамши классы, эти трагические герои истории, их экономические интересы, сложность их общественных отношений, динамика их взлётов и падений остаётся в тени, в то время как индивидуальные характеры, учения и сами индивиды стоят на первом плане» [Damen, 1988: 19], — характеристика, вполне применимая к скиннеровскому подходу.

Но теснее всего линии, на которых расположены Грамши и Скиннер, сходятся у Карла Поланьи, социалиста по политическим убеждениям и антрополога — по характеру работ, которые в наше время принимаются как основа экономической антропологии. Отталкиваясь от трудов таких исследователей, как Бронислав Малиновский и Рихард Турнвальд, Поланьи характеризует экономические институты как «укоренённые» (embedded) в культуре определённого общества. В таком понимании эти институты лишаются положения особого отстоящего от других блока социальной организации, который, как считали экономисты (причём и либерального, и марксистского направления), предопределяет базовую схожесть человеческих обществ. По Поланьи же, эти институты выступают продолжением уникального склада определённой культуры, из чего следует, что экономические интересы «укоренены» в базовых культурных представлениях и производны от них. Из этого следует в свою очередь, что,

¹ Bejan T. Quentin Skinner on Meaning and Method. First part of an interview in two parts, published in 'Art of Theory', Nov 2011. URL: www.academia.edu/1073948/Quentin_Skinner_on_Meaning_and_Method

с одной стороны, невозможно обсуждать фундаментальные вопросы культуры — восприятие, мышление, социальное взаимодействие и др. — так, чтобы не затрагивать экономику. С другой — невозможно говорить об экономических интересах как о чём-то, существующем отдельно от культуры, независимом от неё.

Ключевой тезис основополагающей работы Поланьи «Великая трансформация» заключается в том, что капитал пытается отделить экономические институты от культуры с тем, чтобы сделать их универсальными и, соответственно, восприимчивыми к его влиянию [Поланьи, 2002]. Поланьи видит в этом принципиальную особенность капиталистической формации, связанную с тем, что современный капитал исходно появляется как глобальный феномен, ведущий своё происхождение от колониальной, — в первую очередь, британской, — системы. В силу этого локальные культуры, размещённые компактно и не участвующие в системах надэтнических связей подобных колониальным империям, заведомо враждебны капиталу, который нацелен на их замещение универсалистской системой, и оказывают ему сопротивление. По мнению Поланьи, это сопротивление вполне оправдано. Хотя влияние капитала и ассоциируется с прогрессом, по крайней мере на определённом историческом этапе, скорость, с которой он продвигает нужные ему изменения, неизбежно наносит ущерб, и сопротивление, тормозящее эти изменения, уже в силу этого оказывается благом. В этом проявляется характерная черта взглядов Поланьи: он склонен видеть практически в любом конфликте предпосылки будущего компромисса — последовательность, без которой невозможно установление стабильного порядка.

Понимание Поланьи даёт возможность указать на то, что и индивидуальные интеллектуальные интересы, которые преобладают в контексте создания текстов, и групповые экономические интересы, преобладающие в контексте распространения, в конечном счёте восходят к основам культуры. В случае, когда автор претендует на создание универсалистской системы

мысли, нацеленной на выделение общих для всех схем, как это характерно для всей политэкономической традиции, эта претензия необходимо подразумевает смещение локальной культуры на второстепенное место, — шаг, который, учитывая укоренённость в культуре определённого хозяйственного устройства, приобретает экономическое значение. Что же касается политэкономического дискурса, то здесь эта связь становится самоочевидной: «универсальное» экономическое устройство заведомо подразумевает замещение «локального». Или, как обозначает эту проблему один из ведущих историков идей Эндрю Сартори: «История политэкономических абстракций — часть гораздо более широкого поля интеллектуальной истории. Речь здесь идёт о такой интеллектуальной истории, отличительной особенностью которой оказывается особое значение роли реальных абстракций в определении формальной логики дискурсов, которые как будто не связаны с политической экономией. Исполнение этой роли, в свою очередь, открывает возможность внедрения политэкономических понятий внутрь таких дискурсов» [Sartori, 2013: 117]. Можно также провести аналогию между этими процессами и взаимодействием абстрактных правовых норм, претендующих на универсальность, с укоренённой в культуре этикой [Силантьева, 2015].

Под «реальными абстракциями», — одним из центральных понятий для развиваемой им версии интеллектуальной истории, — Сартори понимает следующее: «Абстракции, с которыми имеет дело политическая экономия (понятия, как стоимость, труд и капитал), оказываются не “абстракциями” в смысле обобщений, то есть не абстракциями, референты которых сводятся к наборам обособленных характеристик, свойственных конкретным предметам. Они работают иначе и пытаются соответствовать реальным абстракциям — социальным практикам, которые сами по себе оказываются, в определённом смысле, абстракциями» [Sartori, 2013: 111]. По сути, это указание на процесс взаимного конструирования социальной практики и политэкономической теории в ситуации,

когда, как характеризовал её Поланьи, происходит экспансия экономического мышления, укоренённого в культурах обществ, в которых исходно сложилась капиталистическая модель. Как особенно показательный современный пример можно упомянуть «человеческий капитал» — категорию, содержание которой сложилось в исторически уникальных условиях послевоенных США [Brown, Lauder, Cheung, 2020], но которая приобрела почти универсальный характер благодаря усилиям влиятельных международных организаций при том, что внедрение этой категории практически в любую культуру, не имеющую опыта, аналогичного американскому, вызывает серьёзное напряжение [Силантьева, 2013]. Аналогичные, хотя и менее острые проблемы возникают с категорией «инновации» [Коннов, Талагаева, 2023].

Отличительной чертой капиталистической формации выступает то, что она изначально складывается как глобальная система, национальная изоляция от которой по мере распространения капитализма становилась всё менее реалистичной целью, а к XX в. стала практически невозможной. На поверку сопротивление этой системе почти всегда оказывалось формой взаимодействия: в экономике активный антикапиталистический традиционализм как правило означал встраивание — с той или иной долей конфликта — национальной политико-экономической элиты в глобальную капиталистическую систему при сохранении внутри страны прежних «традиционных» форм эксплуатации [Castells, 2010].

С точки зрения интеллектуальной истории в этой ситуации становится сложным разделить контексты создания и продвижения дискурсов: любое осмысленное высказывание теперь должно принимать во внимание политэкономические абстракции, так как в противном случае оно рискует потерять значимость даже в пределах самых замкнутых в себе научных специальностей. А когда такие абстракции пытаются заместить традиционными формами, последние так или иначе принимают на себя функции подразумеваемых первыми практик. И в итоге любой писатель,

пытающийся создать преодолевающую их систему понятий, в конечном счёте работает на интеграцию этих абстракций. По наблюдениям Сартори, заявления об успешном решении этой задачи со стороны авторов-автохтонов как правило оказываются перелицовкой политэкономических категорий на традиционный лад.

Столетием ранее находим похожие наблюдения у Грамши. Рассуждая о способах капитала удержать власть вопреки массовому рабочему движению, он выдвинул модель «революции-реставрации». В ней формируется альянс международного капиталистического класса и старых национальных правящих классов, посредником в котором работает интеллигенция, выступающая при этом с националистических позиций. По наблюдениям Грамши, «зачастую так называемая “партия иностранцев” вовсе не является подобной партией, именуемой столь вульгарным образом, а представляет собой как раз наиболее националистическую партию, ибо помимо того, что она является представителем жизненных сил собственной страны, в её деятельности в ещё большей степени находит отражение факт экономической зависимости и подчинения этой страны той или иной господствующей нации или группе наций» [Грамши, 1959: 163]. Нужно подчеркнуть, что речь здесь не идёт о какой-то сознательной «измене» интеллигенции — она остаётся «представителем жизненных сил собственной страны» и уже в силу своего положения отражает «факт экономической зависимости и подчинения», который возникает вследствие объективных процессов.

Попытки изолироваться от глобализации, волны которой поднимались и в начале XX в., и в начале XXI в., имеют, таким образом, слабые шансы на успех. Отстаивание собственной культуры и собственной автономии возможно только во взаимодействии с глобальной системой, только в результате осознанной работы над интеграцией её институтов и идей. Это непросто, задача, для её решения важна возможность вести равный диалог с глобальной системой, представители которой, осознающие себя в роли таковых, чаще всего

к равноправному диалогу не расположены. Их претензия на безоговорочное превосходство, причём именно в интеллектуальной сфере, зачастую и провоцирует откат в традиционализм, который оборачивается встраиванием в систему в подчинённой роли.

КП НТП в социально-экономическом контексте

Что касается примеров успешной работы с глобальной системой, в качестве таковых можно рассматривать ряд выдающихся отечественных экономистов периода позднего СССР, большинство из которых были в той или иной степени задействованы в работе над КП НТП [Варшавский, 2014]. К 1970-м гг. возможность экспансии социалистической системы в качестве глобальной модели уже вызывала сомнения, и на первый план выходят идеи конвергенции — сближения капиталистической и социалистической систем. Для этого рассматриваются две возможные траектории: сокращение государственного участия в экономике и расширение компетенции экономических субъектов на уровне предприятий (можно сказать, на «корпоративном» уровне) — это сближение с, условно говоря, кейнсианской моделью; или же реформирование планового хозяйства в целом в направлении западных корпоративных образцов со ставкой на сохранение на Западе тенденций к монополизации корпоративного сектора и расширению активной промышленной политики, наблюдаемых в 1960-е–1970-е гг. во всех ключевых западных странах — в частности, особый интерес у советских экономистов вызывал опыт французского «индикативного планирования» [Столерю, 1974]. С каждой из этих траекторий были связаны интересы крупной промышленной группы — с первой траекторией, по советской классификации, группы Б — производство товаров потребления, со второй — группы А — производство средств производства, прежде всего машиностроение. Группировка этих интересов не имела чёткого институционального отражения, но, хотя это и будет сильным упрощением, с целью придать

картине резкость всё же можно указать на Совет министров во главе с председателем А. Н. Косыгиным как на главный центр притяжения для «группы Б» и Центральный комитет партии во главе с генеральным секретарем Л. И. Брежневым — для «группы А».

Интерес к новой системе планирования, с которым ассоциировалась КП НТП, был связан с организацией хозяйства группы А. С её политическими представителями часто ассоциируют наиболее консервативные побуждения партийной элиты, однако идеи, продвигаемые в КП НТП, никак не получится охарактеризовать как консерватизм. По сути, интересы этой группы были укоренены в машиностроительной отрасли, представлявшей буквально передний край технологического развития, а центральная идея, продвигаемая в самой КП НТП, а также в работах её главного методолога А. И. Анчишкина, заключалась в том, что развитие машиностроения, подразумевающее рост инвестиций в этот сектор, делает возможным рост общей производительности — этот эффект возникает благодаря сокращению затрачиваемых ресурсов во всех производственных отраслях, высвобождение которых, в свою очередь, делает возможным расширение производства всех групп товаров. Задача заключалась в том, чтобы сделать инвестиции в этот сектор сфокусированными, учитывающими распространение и развитие новых технологий. А для этого необходимо было создать категориальный и, что особенно важно, математический аппарат, позволяющий включить этот ключевой момент в государственное планирование.

Это было масштабным предприятием именно в сфере «реальных абстракций». В этот период и советским, и западным экономистам приходилось иметь дело с обостряющейся проблемой исчерпанности экстенсивного роста за счёт наращивания вложений капитала и труда. Ответом на это стали попытки охарактеризовать в рамках аппарата экономической науки интенсивный рост, который по определению имел качественный характер. В США кейнсианская школа, занявшая в 1950-е–1960-е гг. преобладающее положение, пошла по

пути вынесения вопроса технологического развития за пределы экономической политики, которую предлагалось ограничить макроэкономическим регулированием, обеспечивающим необходимое предложение капитала. Технологии же рассматривались как часть так называемого «остатка Солоу» — доле экономического роста, приходящегося на иные факторы, нежели труд и капитал. Этот «остаток» составлял, по оценке рассчитавшего его Роберта Солоу, 87%, основная часть которых приходилась на технологическое развитие, и, соответственно, признавалась полем деятельности научного сообщества, которая регулировалась особой неэкономической по своему характеру научной политикой, и предпринимателей, которым государство гарантировало автономию.

При этом среди американских учёных-экономистов были принципиально несогласные с фактическим вынесением технологического развития за пределы экономической науки, и ими предпринимались попытки найти выражение этому развитию в экономических терминах [Jorgenson, Griliches, 1967; Mansfield, 1972]. Однако такого рода исследования оказались за пределами кейнсианского мейнстрима в 1970-е гг. и ещё хуже сочетались с неолиберализмом, сменившим кейнсианство в этой роли в 1980-е гг. К тому же для построения моделей, приближённых к реальному состоянию в смысле распространения технологий, требовались данные, которые было предельно сложно аккумулировать в условиях рыночной экономики, к тому же в стране с высокой степенью федеральной децентрализации. Можно заметить, что в этом смысле кейнсианство с его ограниченным регулированием экономики было вполне конгениальным американскому политическому устройству.

Советская же экономическая мысль после периода колебаний с конца 1960-х гг. двинулась в противоположном направлении. Если проводить широкие аналогии, то как попытку сместиться ближе к кейнсианской модели можно охарактеризовать Косыгинскую реформу, подразумевавшую сохранение за государством

макроэкономического контроля при частичном уходе из управления на уровне предприятий. Условия реформы создавали весомые преимущества, в первую очередь, для отраслей, работавших со спросом населения, так как именно здесь существовал значительный потенциал извлечения прибыли [Упущенный шанс..., 2018]. Однако интересы этого сектора не совпадали с интересами советского машиностроения. Его особенностью было отсутствие связи с потребительским спросом: значительная часть продукции поступала в военно-промышленный комплекс, а поставки в гражданские отрасли носили характер госзаказа, объёмы которого слабо зависели от запросов потребителя и сильно — от соотношения влияния лоббистских групп в политической структуре. Таким образом, интересы сконцентрированной здесь группы были оторваны от потребительского спроса. Угроза отказа от продукции со стороны неудовлетворённых потребителей демпфировалась политической структурой и одновременно этот спрос не воспринимался как стимул к росту, — ситуация, подробно описанная в 1990-е гг. другим ведущим методологом КП НТП Ю. В. Яременко [Яременко, 1999].

Таким образом, для отраслей, работавших преимущественно на госзаказ, Косыгинская реформа создавала больше проблем, чем преимуществ, что и послужило стимулом к её сворачиванию. В экономической науке эта ситуация нашла отражение в резкой критике со стороны Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), продвигавшего в 1960-е гг. созданную в институте «Систему оптимального функционирования экономики» (СОФЭ). Однако попытка внедрить эту систему в сферу реального планирования была неудачной, как вследствие её собственных недостатков, так и из-за сопротивления противостоящей группы интересов; новым «заходом» на политическое продвижение подходов математической экономики собственно и становится КП НТП, причём в этот раз авторами концепции выступил коллектив, досконально знакомый с реальной системой планирования, который специально сконцентрировал в институте

его директор Н. П. Федоренко [Федоренко, 1999; Фальцман, 2007].

В методологическом плане формирование КП НТП предполагало обращение именно к тем подходам, которые были потеснены в американской науке кейнсианством: это детализированные производственные функции, а также межотраслевой баланс — метод, ассоциирующийся с экономистом русского происхождения Василием Леонтьевым. В США тенденция к расширению активного управления экономикой, характерная для первого послевоенного десятилетия, сошла на нет, а приоритетом в экономической науке становится не приближение экономических описаний к реальному состоянию дел, а математическое совершенствование создаваемых моделей. Общая позиция кейнсианства заключалась в том, чтобы создавать не инструменты управления экономикой, а ориентиры для макроэкономической политики. Тем не менее, и исследования производственных функций, и межотраслевой баланс оставались представленными в американской экономической науке. Упомянувшиеся уже Дейл Йоргенсон и Зви Грилихес открыто шли вразрез с кейнсианским подходом к технологическому развитию, а Леонтьев в 1970-е гг. высказывался в прессе в пользу прямого планирования американской экономики².

Для ведущих же советских исследователей именно эти подходы стали основными. Можно сказать, что те «абстракции», которые утратили «реальность» в американском обороте вследствие отказа от развития практик государственного управления экономикой, применявшихся в годы войны, сохраняли действенность в советском плановом хозяйстве и, соответственно, сохранялись стимулы к их совершенствованию. Так, Анчишкин в своей работе, написанной в период подготовки первоначальной версии КП НТП, упоминает в качестве предшествующих ему в разработке производственных функций преимущественно американских авторов — Р. Солоу, Э. Денисона, Дж. Кендрика

[Анчишкин, 1971]. Характерно, что все эти авторы сходились в том, что в их функциях технологии принимались за задаваемый внешне экзогенный фактор, что, по сути, означало отсутствие у экономистов реальных возможностей на него влиять. Подход же Анчишкина, подразумевавший учёт технического прогресса и в качестве мультипликативного фактора, изменяющего всю производственную функцию, и в качестве коэффициентов к факторам капитала и труда, отражающих капиталоемкие и трудосберегающие эффекты, происходил из «реальной» возможности регулировать эти «абстрактные» параметры в советской экономике. Деление параметров на экзогенные и эндогенные фактически отражало различие в практиках двух экономических систем, но при этом в обоих случаях выражалось на общем языке экономико-математических абстракций.

Аналогично выглядит сопоставление межотраслевого баланса Леонтьева и модели межотраслевых взаимодействий Яременко. Сбор данных по леонтьевской модели позволял вычислить коэффициенты, которые отражали взаимозависимости продукции различных отраслей и служили численным описанием работы технологических цепочек. Однако по отношению к самой модели эти коэффициенты были экзогенными, производными от эмпирических данных. Возможность проследить, как они меняются в ответ на изменения показателей, включённых в саму модель, здесь отсутствовала. В модели же Яременко коэффициенты определялись производственными функциями, рассчитанными для каждой отрасли на основе самих данных межотраслевого баланса, включая такие, как объём выпуска отраслей, поставляющих свою продукцию данной отрасли; объём выпуска отраслей, потребляющих продукцию последней; качество продукции, определяемое относительно данных баланса о всех видах продукции и т.д. [Яременко, 1981].

Характерно, что и Яременко, и Леонтьев уделяли много времени и сил сбору

² Leontief W. For a National Economic Planning Board // New York Times. 1974. 14 Mar. P. 37.

производственных данных, выуживание которых нередко требовало незаурядной изобретательности [Яременко, 1999; Akhabbar, 2021]. По мере же усложнения экономики в американской ситуации, характеризующейся быстрым ростом числа автономных субъектов и, соответственно, увеличением числа барьеров, разделяющих предприятия, отрасли и регионы, эти навыки устаревали. В рамках же советского централизованного народного хозяйства, напротив, навыки сбора и обобщения данных становились всё более востребованными. Соответственно, межотраслевой баланс к 1980-м гг. был фактически вытеснен из мейнстрима американской экономической науки, в то время как в СССР степень его усложнения и масштаб применения росли на протяжении всех 1970-х–1980-х гг.

Заключение

Применение современной методологии интеллектуальной истории к истории советской экономической мысли указывает на два важных момента, которые часто выпадают из описаний, выполненных в жанре истории экономических учений. Прежде всего, несмотря на существование административных барьеров, затруднявших циркуляцию идей между СССР и западным миром, ни о какой герметичности советской экономической науки говорить не приходится. Барьеры, хотя и создавали сложности, оставались вполне проницаемыми для специалистов, а в сохранении их проницаемости были прямо заинтересованы влиятельные группы в советском политическом руководстве, в том числе по соображениям внутренней конкурентной борьбы, в которой экономические «абстракции» имели особое значение. Другая, более фундаментальная причина связанности советской и западной науки заключается в том, что само советское хозяйство ни в коей мере не было замкнуто на самом себе, а существовало как неотъемлемая часть мировой экономики. И вопреки всем

различиям по стилю и по декларируемым приоритетам, этот момент предопределял фундаментальную общность советских и задающих общее направление в западном мире американских экономических поисков.

Как момент, в котором просматривались признаки грамшианской «пассивной революции», можно расценивать Косыгинскую реформу, нацеленную на изменения, которые позволили бы встроиться в быстро формирующуюся глобальную экономику с системой, понятной представителям капиталистического мира. В свою очередь, идеи методологов КП НТП, которая работала как один из противовесов этому движению, напротив, предполагали опору на централизацию. Тем не менее Анчишкина, Яременко и их коллег никак не получится охарактеризовать как закрытых влиянию мировой экономической науки сугубо советских «коммунистических» мыслителей — в их книгах разворачивался явный творческий диалог с зарубежными авторами. Если воспользоваться призмой Поланьи, то можно сделать вывод: их работа предполагала именно постепенное внедрение новых экономических абстракций в советскую систему — так, чтобы обеспечить её адаптацию к новым условиям при сохранении социально-экономической устойчивости.

По сути, можно очертить единую рамку, в которой развивались американская и советская экономическая наука в 1960-е–1970-е гг. и уже внутри неё выделить два расходящихся варианта, выбранных соответственно в США и в СССР. При этом важно подчеркнуть, что оба альтернативных направления были заметно представлены, опять же, и в американской, и в советской науке. Причины как их фундаментального сходства, так и характерных различий как раз и позволяют вскрыть интеллектуальная история — в качестве исследовательского подхода, нацеленного на понимание связи идей с динамично изменяющимся социокультурным контекстом.

Список литературы:

- Антюхова Е. А., Крынжина М. Д. Интеллигенция в неограмшианском прочтении и глобальной политэкономической практике. // Полис. Политические исследования. — 2025. — № 2. — С. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.02>
- Антюхова Е. А., Талагаева Д. А. Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях // Научный диалог. — 2023. — Т. 12, № 10. — С. 265–287. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287>
- Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. — Москва: Экономика, 1973. — 294 с.
- Варшавский А. Е. Комплексные программы научно-технического прогресса страны - успешный пример реализации индикативного планирования // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. — 2014. — Т. 21, № 2. — С. 185–197.
- Варшавский А. Е., Яркин А. П. Ведущая роль ЦЭМИ РАН в организации, управлении и разработке Комплексных программ научно-технического прогресса // Экономика и математические методы. — 2018. — Т. 54, № 3. — С. 68–89. <https://doi.org/10.31857/S042473880000660-5>
- Гирц К. Идеология как культурная система // Интерпретация культур. — Москва: РОССПЭН, 2004. — С. 225–267.
- Граммши А. Избранные произведения: в 3 т. Т.3. Тюремные тетради. — Москва: Изд-во иностр. лит., 1959. — 565 с.
- Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику / В. М. Жорнист, А. Д. Несмашный, М. В. Харкевич, И. А. Сафранчук // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — Т. 17, № 1. — С. 163–182. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-08>
- Коннов В. И., Талагаева Д. А. Понятие «инновации» как политический инструмент: от линейной инновационной модели к «треугольнику знаний». // Полис. Политические исследования. — 2023. — № 5. — С. 29–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.03>
- Поланьи К. Великая трансформация: Полит. и экон. истоки нашего времени. — Санкт-Петербург: Алтейя, 2002. — 320 с.
- Силантьева М. В. Человек: мифы и реальность. // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 3. — С. 150–151. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-150-151>
- Силантьева М. В. Этика в плену абстракций, или о парадоксе научности профессиональной этики // Вестник МГИМО Университета. — 2015. — № 3. — С. 280–281. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-3-42-280-281>
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 53–122.
- Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. — Москва: ВШЭ, 2021. — 440 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1788-8>
- Столерю Л. Равновесие и экономический рост. — Москва: Статистика, 1974. — 470 с.
- Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Е. В. Богомолов, Г. В. Будкевич, А. С. Генкин и др. — Москва: Компания КноРус, 2018. — 352 с.
- Фальцман В. К. Ученые в контексте времени. — Москва: Проспект, 2007. — 264 с.
- Федоренко Н. П. Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. — Москва: Наука, 1999. — 479 с.
- Хикс С. Объясняя постмодернизм. — Москва: РИПОЛ классик, 2021. — 320 с.
- Яременко Ю. В. Структурные изменения в социалистической экономике. — Москва: Мысль, 1981. — 303 с.
- Яременко Ю. В. Экономические беседы: Запись С. А. Белановского. — Москва: Центр исследований и статистики науки, 1999. — 344 с.
- Akhabbar A. The Case against “Indirect” Statistical Inference // History of Political Economy. — 2021. — Vol 53, No S1. — P. 259–292. <https://doi.org/10.1215/00182702-9414874>

- Brown P., Lauder H., Cheung S. Y. The Death of Human Capital? Its Failed Promise and How to Renew It in an Age of Disruption. — New York: Oxford University Press, 2020. — 314 p.
- Castells M. End of Millenium. — Sussex: Wiley, 2010. — 456 p.
- Damen O. Gramsci: Between Marxism and Idealism. — London: Prometheus Publications, 1988. — 151 p.
- Jorgenson D., Griliches Z. The Explanation of Productivity Change // *The Review of Economic Studies*. — 1967. — Vol. 34, No. 3. — P. 249–283. <https://doi.org/10.2307/2296675>
- Mansfield E. Contribution of R&D to Economic Growth in the United States // *Science*. — 1972. — Vol. 175. No. 4021. — P. 477–486. <https://doi.org/10.1126/science.175.4021.477>
- Morton A. Unravelling Gramsci: Hegemony and Passive Revolution in the Global Political Economy. — London: Pluto Press, 2007. — 254 p.
- Salamini S. The Sociology of Political Praxis: An Introduction to Gramsci's Theory. — London: Routledge, 2014. — 270 p. <https://doi.org/10.4324/9781315794365>
- Sartori A. 5. Global Intellectual History and the History of Political Economy. // *Global Intellectual History*. — New York: Columbia University Press, 2013. — P.110–133. <https://doi.org/10.7312/moyn16048-005>
- Sokal A. The Sokal Hoax: The Sham that Shook the Academy. — Lincoln: University of Nebraska Press, 2000. — 271 p.

References:

- Akhabbar, A. (2021) 'The Case against "Indirect" Statistical Inference', *History of Political Economy*, 53(S1), pp. 259–292. <https://doi.org/10.1215/00182702-9414874>
- Anchishkin, A. I. (1973) *Prognozirovanie rosta sotsialisticheskoi ekonomiki* [Forecast of the growth of the socialist economy]. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian).
- Antuykhova, E. A. and Talagaeva, D. A. (2023) 'Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations', *Nauchnyi dialog*, 12(10), pp. 265–287. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287>
- Antuykhova, E. A. and Krynzina, M. D. (2025) 'Intelligentsia in a neo-Gramscian reading and global political economic practice', *Polis. Political Studies*, (2), pp. 8–24. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.02>
- Bogomolov, E. V. (et al.) (2018) *Upushchennyi shans ili poslednii klapan? (k 50-letiiu kosyginских reform 1965 g.)* [A lost chance or the last valve? (For the 50th anniversary of the Kosygin reforms of 1965)] . Moscow: KnoRus Publ. (In Russian).
- Brown, Phillip., Lauder, Hugh. and Cheung, S. Yi. (2020) *The death of human capital? Its failed promise and how to renew it in an age of disruption*. New York: Oxford University Press.
- Castells, M. (2010) *End of Millennium*. Sussex: <https://doi.org/10.1002/9781444323436>
- Damen, O. (1988) *Gramsci: Between Marxism and Idealism*. London: Prometheus Publications.
- Faltsman, V. K. (2007) *Uchenye v kontekste vremeni* [Scientists in the context of time]. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian).
- Fedorenko, N. P. (1999) *Vspominaia proshloe, zagliadyvaia v budushchee* [Remebering the past, peering into the future]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Geertz, C. (1964) 'Ideology as a cultural system', in *Ideology and discontent*. New York: The Free Press of Glencoe, pp. 47–76. (Russ. ed.: (2004) 'Ideologiya kak kul'turnaia sistema', in *Interpretatsiia kul'tur*. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 225–267).
- Gramsci, A. (1929) *Quaderni del carcere*. Torino: Giulio Einaudi editore. (Russ. ed.: (1959) *Izbrannye proizvedeniia: v 3 t. T. 3. Tiuremnye tetradi*. Moscow: Izd-vo. inostr. lit. Publ.).
- Hicks, S. R. C. (2004) *Explaining Postmodernism: Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault*. Tempe, Ariz.: Scholargy Publishing. (Russ. ed.: (2021) *Ob"iasniia postmodernizm*. Moscow: RIPOL klassik Publ.).
- Jorgenson, D. W. and Griliches, Z. (1967) 'The Explanation of Productivity Change', *The Review of Economic Studies*, 34(3), pp. 249–283. <https://doi.org/10.2307/2296675>

- Konnov, V. I. and Talagayeva, D. A. (2023) 'The concept "innovations" as a political instrument: from the linear innovation model to the knowledge triangle', *Polis. Political Studies*, (5), pp. 29–44. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.03>
- Mansfield, E. (1972) 'Contribution of R&D to Economic Growth in the United States', *Science*, 175(4021), pp. 477–486. <https://doi.org/10.1126/science.175.4021.477>
- Morton, A. D. (2007) *Unravelling Gramsci: hegemony and passive revolution in the global political economy*. London: Pluto Press.
- Polanyi, K. (2002) *The great transformation*. Saint Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).
- Salamini, L. (2014) *The Sociology of Political Praxis: An Introduction to Gramsci's Theory*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315794365>
- Sartori, A. (2013) '5. Global Intellectual History and the History of Political Economy', in *Global Intellectual History*. New York: Columbia University Press, pp. 110–133. <https://doi.org/10.7312/moyn16048-005>
- Scruton, R. (2015) *Fools, frauds and firebrands: Thinkers of the New Left*. London: Bloomsbury. (Russ. ed.: (2021) *Duraki, moshenniki i podzhigateli: Mysliteli novykh levyykh*. Moscow: HSE Publ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1788-8>).
- Silantieva, M. V. (2015) 'Ethics Captivated by Abstractions or Paradox of Scientific Approach to Professional Ethics', *MGIMO Review of International Relations*, (3), pp. 280–281. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-3-42-280-281>
- Silantieva, M. V. (2013) 'A Human: Myths and Reality', *MGIMO Review of International Relations*, (3), pp. 150–151. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-150-151>
- Skinner, Q. (1969) 'Meaning and Understanding in the History of Ideas', *History and Theory*, 8(1), p. 3. <https://doi.org/10.2307/2504188> (Russ. ed.: (2018) 'Znachenie i ponimanie v istorii idei', in *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 53–122.).
- Sokal, A. (2000) *The Sokal Hoax: The Sham that Shook the Academy*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Stoleru, L. (1967) *L'équilibre et la croissance économiques: principes de macroéconomie*. Paris: Dunod. (Russ. ed.: (1974) *Ravnovesie i ekonomicheskii rost*. Moscow: Statistika Publ.).
- Varshavsky, A. and Yarkin, A. (2018) 'Leading Role of the Central Economics and Mathematics Institute of the Soviet Academy of Sciences in Organization, Management and Development of the Complex Programs of Scientific and Technological Progress, 1972—1988', *Economics and the mathematical methods*, 54(3), pp. 68–89. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S042473880000660-5>
- Varshavsky, A. E. (2014) 'Complex program of scientific and technological progress - the successful example of indicative planning implementation', *Analiz i modelirovaniye ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov: Matematika. Komp'yuter. Obrazovaniye*, 21(2), pp. 185–197. (In Russian).
- Yaremenko, Yu. V. (1981) *Strukturnye izmeneniia v sotsialisticheskoi ekonomike* [Structural change in the socialist economy]. Moscow: Mysl Publ. (In Russian).
- Yaremenko, Yu. V. (1999) *Ekonomicheskiye besedy: Zapis' S. A. Belanovskogo* [Economic Conversations: Recording by S. A. Belanovsky]. Moscow: sentr issledovaniy i statistiki nauki Publ. (In Russian).
- Zhornist, V. et al. (2022) 'State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics', *International Organisations Research Journal*, 17(1), pp. 163–182. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-08>

Информация об авторах

Владимир Иванович Коннов — доктор философских наук, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Алина Валерьевна Филиппова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Мировая электроэнергетика», МГИМО МИД России, Россия 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Vladimir I. Konnov — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia 119454 (Russia)

Alina V. Filippova — PhD in Economics, Associate Professor, World Electric Power Industry Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 03.12.2025.